

ИМПЕРИЯ ПРОСТРАНСТВА. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»¹.

Пространственные мотивы и сюжеты в романе А. Платонова «Чевенгур», а также в других его произведениях исследовались неоднократно. Они привлекли внимание филологов, историков, культурологов, философов. Особенно в этом ряду стоит упомянуть работы Ю. Левина² и В. Подороги³ и обстоятельные комментарии к «Чевенгуру» Е. Яблокова⁴. Интересны сопоставления реального географического пространства и географического пространства романа, в котором живут и действуют его герои⁵. Однако собственно географическое пространство и географические образы «Чевенгура» до сих пор не были предметом самостоятельного научного исследования.

Важность и актуальность подобного рода исследования несомненны. Географические образы Чевенгура и окружающего его пространства, структура этих образов образуют очень *широкий контекст*, который подобен емкой и универсальной идеологической упаковке или оболочке. Эта идеологическая оболочка как бы пропитывает собой пространство романа. Пространство «Чевенгура» несет в себе мощную идеологическую нагрузку и, по сути, само выступает как *своеобразная и сквозная идеология всего романа*. Идеологические мотивы и контексты романа хорошо исследованы Е. Толстой-Сегал⁶ и М. Геллером⁷. Но за богатыми идеологическими контекстами и интерпретациями этого произведения остается пока скрытым мощный пласт пространственно-географических мотивов, которые можно рассматривать и как *первичные* по отношению ко всем другим возможным направлениям научного поиска.

Географические образы «Чевенгура». Под *географическим образом* или *образами* в данном случае понимается процесс активного взаимодействия пространственно-географических представлений героев или автора романа (субъектный аспект) с реально существующим в настоящей действительности географическим пространством (объектный аспект), которое в результате как бы преобразуется и формирует *специфическую анизотропную среду*. Эта среда выступает как самостоятельный «герой», поведение которого в итоге определяет весь строй и сюжетную траекторию произведения. Сами географические образы Чевенгура представляют собой *пульсирующие образования*. Так, Чевенгур и окружающая его степь периодически как бы

¹ Текст данного раздела соответствует тексту доклада, сделанного автором на X Платоновском семинаре (Санкт-Петербург, сентябрь 1998 г.).

² Левин Ю. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика. Вып. 30. М., 1990. С. 115-148.

³ Подорога В. Евнух души. Позиция чтения и мир Платонова // Параллели (Россия – Восток – Запад). Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М., 1991. С. 33-82.

⁴ Яблоков Е. А. Комментарий // Платонов А. П. Чевенгур / Сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. М.: Высшая школа, 1991. С. 518-651.

⁵ Там же. С. 548-549, 584-585, 593-596, 603-604.

⁶ См.: Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 47-83; Она же. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк (1928-1929) // Там же. С. 84-105.

⁷ См.: Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982.

наступают друг на друга и выбрасывают в чужеродное им пространство своих «представителей», которые автоматически меняют часть основных параметров этих географических образов. Их сжатие или расширение меняет ход действия, и основное действие романа постепенно концентрируется чисто географически.

Образ Чевенгура. Образ Чевенгура – *центральный географический образ романа*. Это связано не только с тем, что именно вокруг него выстроены основные сюжетные линии. Географический образ Чевенгура обладает наиболее сложной и неоднозначной структурой, благодаря которой он оказывает как бы «радиоактивное» воздействие на остальные образы и формирует свое уникальное пространство. Пространство Чевенгура становится главным героем всего произведения. Язык платоновских произведений и его пространственный контекст глубоко исследован Ю. Левиным⁸. Здесь надо подчеркнуть, что пространство платоновского языка заставляет свертывать или развертывать и содержательный сюжет «Чевенгура» *чисто пространственно, географически*. Все социальные и общественные цели, которые ставят перед собой герои романа, имеют своеобразный пространственный эквивалент или географическую самоидентификацию. Так, полное достижение социализма в походе Дванова и Копенкина, еще до их прихода в Чевенгур, возможно только *на водоразделах*. Содержательная структура романа приобретает **явный хорологический оттенок**, то есть сама скорость развития действия непосредственно зависит от пространственных передвижений и путешествий героев.

Система географических образов «Чевенгура». *Сеть*, или лучше *система* взаимосвязанных географических образов «Чевенгура» (сам Чевенгур, центральный губернский город, Москва, степь) представляют собой *динамическое образование*. Они постоянно как бы переплетаются друг с другом (сюжетными линиями и описательными характеристиками) и формируют изменчивое, как бы дрожащее, но все же *расширяющееся образно-географическое поле*. Аллюзии центрально-азиатских полупустынных и пустынных пространств и тюркских безымянных орд, которые сотни лет почти бесследно бороздили эти пространства, несомненны. Фактически здесь происходит *наложение* базисного, материнского реального географического пространства (некая часть реальной Воронежской губернии) и гораздо более условного и по сути метафизического пространства центрально-азиатских степей и полупустынь. Это взаимное скольжение, соприкосновение и сосуществование двух генеральных географических образов приводит к удивительному *стереоскопическому эффекту* при чтении романа: оно само как бы становится *объемно-пространственным*, при этом все основные события романа протекают как бы в параллельных сосуществующих временах, *симультанно и замедленно* – как в водной среде, в которой плывущий под водой обостренно воспринимает сквозь водную толщу любой встречный объект.

Трансформации географических образов «Чевенгура». Географические образы «Чевенгура» переживают и качественные *трансформации и смещения*. Для описания системы географических образов «Чевенгура» и ее трансформаций можно использовать обычную схему *центр – полупериферия – периферия*, которая хорошо описывает ряд пространственно-географических структур. Но здесь она явно недостаточна. Чевенгур, который в рамках этой схемы можно, казалось бы, мыслить как некий географический центр, не выполняет полностью этой роли. Его, скорее, можно отнести к категории так называемых *лиминальных пространств*, которые впервые были описаны В. Подорогой⁹. Чевенгур не есть центр, но он и не периферия по

⁸ Левин Ю. Указ. соч.

⁹ Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М.: Ad Marginem, 1995. С. 143.

отношению к губернскому городу или Москве. Он по сути *экстerrиториален* и как бы нависает, парит над всеми другими возможными в романе пространствами. Степь, которая окружает Чевенгур, предохраняет его и в то же время угрожает ему, как *пространственно-географической «черной дыре»*, своеобразному опасному разрыву в единой картографической ткани. Чевенгур «съедает» окружающие его пространства и обнажает пустоты не-географического небытия. В этом смысле образ Чевенгура как бы *сверх-* или *гипергеографичен*. Сам Чевенгур предстает здесь как идеал умиротворения или размещения, в котором каждому переживаемому основными героями романа моменту времени соответствуют его оптимальные, совершенные географические координаты. Чевенгур не утопия, но *атопия* или *политопия*.

Географические образы «Чевенгура» **парадоксальны**. Они «выбиваются» из общего ряда. Андреем Платоновым были открыты, по-видимому, какие-то *новые возможности исследования и представления географических пространств в литературном письме*, которое находится как бы внутри русского языка. Поэтому изучение географических образов в произведениях Платонова может дать *серьезный импульс* как концептуальным поискам в собственно культурной географии и в теории географии, так и исследованиям в области литературы, языка и культуры.

Пространство Чевенгура: обзор достижений

Нет сомнения в том, что платоновские произведения вызывают особый интерес с точки зрения исследования пространственных закономерностей их сюжетов, пространственных представлений и языка самого писателя. Появление подобных исследований относится к 1980-м годам – то есть к тому времени, когда оформилось и само платоноведение как целостный и строго ориентированный массив научных исследований.

На первом, достаточно условном этапе этот «пространственный интерес» развивался традиционно, в рамках уже хорошо разработанного в литературоведении направления, которое изучает особенности развития художественного пространства и времени в том или ином произведении, или на примере целого комплекса произведений одного писателя. Свидетельством такого интереса к произведениям Платонова являются работы *В. И. Левашевой*, *С. Банина* и *Е. Г. Муценко*¹⁰. Следует сразу отметить, что эти исследования, в силу необычности изучаемого материала, приобрели неортодоксальный характер. Необходимость обращения к философским, мировоззренческим и мифологическим аспектам проблематики привела, по сути, к расширению стандартного русла исследований. Так, в работе *Е. Г. Муценко* разбирается вопрос о влиянии специальной теории относительности на структуры построения художественного времени и пространства в «Чевенгуре», а само пространство трактуется как пустота в двух разных значениях (восходит к исследованиям канадского ученого *Э. Наймана*), динамика которых как бы иллюстрирует сюжетный ход романа¹¹.

На втором этапе развития фиксируемого нами «пространственного интереса» к произведениям Платонова возникает очень плодотворное исследовательское поле, которое связано с изучением мифологических и идеологических аспектов. В этом случае «пространственный интерес» возник как бы естественным образом, не выделяясь даже из более широкого круга идеологических и мифологических проблем. Это

¹⁰ См.: Левашева В. И. Пространственно-временная организация как выражение авторской позиции в повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1987. С. 31-37; Банин С. Этот необъяснимый Платонов: О художественном пространстве повестей «Котлован» и «Ювенильное море» // Сибирские огни. 1988. № 10. С. 156-171; Муценко Е. Г. Художественное время в романе А. Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов. Исследования и материалы. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1993. С. 28-39.

¹¹ Муценко Е. Г. Указ. соч. С. 35-36.

направление восходит к ставшим уже классическими исследованиям М. Геллера и Е. Толстой-Сегал, упоминавшимся ранее. Впоследствии оно стало как бы сужаться, конкретизироваться, делиться на своеобразные «зоны влияния», что привело к рождению новых интересных работ. Здесь можно выделить работы *К. К. Чекодановой*, *В. А. Колотаева*, *Чой Сеонг-Аэ*¹². Исследование К. К. Чекодановой интересно прежде всего богатыми параллелями и отсылками к творчеству многих известных художников и писателей – К. Петрова-Водкина, П. Брейгеля, Б. Пастернака – в которых проясняется гипотеза о сферическом устройстве пространства платоновского «Чевенгура». В. А. Колотаев на базе серьезных теорий и концепций мифа (К. Юнг, Р. Барт, А. Лосев, М. Бахтин) проанализировал структуру мифологического пространства «Чевенгура», выделил переходы из «чужого», «закрытого» в «свое», «открытое» пространство («дом» и «дорога»). Постоянное движение в пространстве вполне очевидно было определено им в контексте идеологии основных героев романа как наивысшее благо, осуществление коммунизма¹³. Таким образом, мифолого-идеологические исследования послужили и по-прежнему служат процессу устойчивой «конденсации» «пространственного интереса» к произведениям Платонова, первоначальному оформлению его содержательно-исследовательских границ.

Третий этап в развитии «пространственного интереса» можно назвать **языковым**. Уникальный язык произведений Платонова представляет собой оригинальное языковое пространство, однако к этому добавляется постоянное употребление слова «пространство» и его синонимов, которое, по существу, ведет, как мы уже отмечали ранее, к рождению целой идеологии пространства. Блестящий синтаксический анализ языкового пространства Платонова на примере «Котлована» был проведен *Ю. И. Левиным*¹⁴, который дал интерпретацию неожиданных пустот и разрывов языка Платонова, связанных непосредственно с содержанием самого произведения. Пространственный генезис языка Платонова оказывается интересным практически на всех «этажах» – от логики до семантики и поэтики. Важные исследования в этом направлении были проведены *М. А. Дмитривской*¹⁵, которая, несомненно, нащупала и метафизические корни языка Платонова, его экзистенциальную сущность, что позволяет повысить эффективность и самих лингво-литературоведческих исследований пространства.

Выделенному нами языковому направлению или этапу развития «пространственного интереса» к произведениям Платонова способствует наличие целой программы изучения языка, которая была разработана Н. Арутюновой и ее школой. В рамках этой школы и близких к ней исследований пространство выступает предметом глубокого лингвистического анализа, при этом и сам язык испытывает воздействие того пространства, которое он пытается описывать или выразить¹⁶. Платоновское пространство-язык (так можно определить его в первом приближении) создает свою модель или картину мира, в которой речь основных платоновских героев как бы

¹² См.: Чекоданова К. К. Образ сферической Вселенной у Андрея Платонова // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. СПб., 1991. С. 211-218; Колотаев В. А. Мифологическое сознание и его пространственно-временное выражение в творчестве А. Платонова. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филологич. наук. М., 1993; Чой Сеонг Аэ. «Русская идея» в творчестве А. Платонова. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филологич. наук. М., 1993.

¹³ Колотаев В. А. Указ. соч. С. 8-13.

¹⁴ Левин. Ю. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика. Вып. 30. М., 1990. С. 115-148.

¹⁵ См.: Дмитривская М. А. Понятие силы у А. Платонова // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 42-49; Она же. Пространственные оппозиции в романе А. Платонова «Чевенгур» и их экзистенциальная значимость // Прагматика. Семантика. Грамматика. М., 1993. С. 47-50; ею также был сделан доклад на VI Платоновском семинаре в Санкт-Петербурге в 1994 г. на тему: «Семантика пространственной границы у Платонова».

¹⁶ См.: Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. Ан. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 22-32; Научная конференция «Языки пространства» // Там же. № 6. С. 69-74, в программе конференции был доклад Ю. М. Михеева «Пустота и теснота в поэтике Платонова» (с. 72). См. также фундаментальное исследование: Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

задает параметры того пространства, в котором они действуют. Языковое представление пространства предвосхищает и предопределяет главные маршруты движения в нем; путешествия героев Платонова становятся перемещениями и самого языка, его мучительными трансформациями.

Следует сразу сказать, что выделение этих этапов достаточно условно. Нетрудно заметить, что развитие «пространственного интереса» к произведениям Платонова происходило фактически *одновременно* по всем трем оконтуренным нами направлениям. Взрывной характер развития самого платоноведения в 1980 — начале 1990-х годов определил и саму его быструю экспансию по всем традиционно возможным направлениям лингво-литературоведческих исследований, однако в самом ходе его развития выяснились и нетрадиционные, неклассические возможности исследования, которые были непосредственно связаны с языком и содержанием основных произведений Платонова. Проблемы изучения пространства, очевидно, имели первоначально традиционный импульс, который был подкреплен впоследствии и нетрадиционными постановками проблемы. На наш взгляд, вполне естественна и закономерна эволюция «пространственного интереса» к произведениям Платонова в сторону географии и разработки его географических аспектов. В настоящее время уже сформирован тот мощный пласт литературоведческих исследований, который позволяет рассматривать основные произведения Платонова, и, в частности, «Чевенгур», как объект и предмет концептуального научно-географического поиска.

Архетип пустыни у Платонова

Пустынность пространств Платонова – это яркий протогоеографический импульс, в рамках которого может наметиться продуктивный переход от литературоведения к географии. Исследование И. А. Савкина, который рассмотрел топос пустыни в интертекстуальном аспекте – на примере произведений Платонова и Карсавина¹⁷ – сосредоточивается на представлении пустыни как нетрадиционного типа утопического пространства. Исследователь отмечает общность текстового пространства произведений А. Платонова рубежа 1920-1930-х годов и «Поэмы о смерти» Л. П. Карсавина (1931), в котором «...моделью их утопического пространства является не идеальный город, но расширяющаяся, наступающая пустыня как доминирующий элемент текстового ландшафта. Пустыня – это место, где рай и ад сходятся, где они наиболее близки друг другу, борются, вытесняют, постоянно перетекают друг в друга»¹⁸. Отмечается, что особые внутренние размерности топоса пустыни вполне можно описать как «не-место» (ибо налагаются определенные ограничения на движение через него), что и позволяет его отличить от обычной утопии¹⁹. Пространство пустыни явно географично, поскольку оно «...принципиально неоднородно, разбито на сегменты, собрано вокруг источников. Движение здесь возможно по определенным векторам (караваны переходят от одного оазиса к другому)»²⁰.

Географический образ пустыни является, безусловно, одним из центральных для понимания платоновских произведений. Пространства Платонова оказываются пустынными неумышленно (если можно так выразиться). Архетип пустоты, пустынности, тоскливых и пустынных пространств довлеет на главными героями «Чевенгура» в

¹⁷ См.: Савкин И. А. На стороне Платона. Карсавин и Платонов, Или об одной не-встрече // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1995. С. 153-163.

¹⁸ Там же. С. 158-159.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Там же. С. 158.

силу их идеологии, особого построения их языка, который также, по существу, является пустыней. В образе пустыни платоновский язык и то пространство, которое он пытается создать или описать, достигают фактически полного тождества. «Караванный» сюжет «Чевенгура», путешествия Дванова и Копенкина, поездка Прокофия за новым населением для Чевенгура происходят внутри географического образа пустыни. Сам этот образ расширяется на протяжении всего романа, и гибель Чевенгура означает в определенном смысле окончательную экспансию образа пустыни. Конец романа означает, по сути, победу «степной империи», или **империи пространства** – условно-географическое поле действия вытесняет фактически само действие, максимально его географизирует и этим попросту его прекращает. Тотальная география пустыни и пустынных пространств выступает как естественный ключ к географическим исследованиям «Чевенгура» и к близким ему идеологически произведениям Платонова («Котлован», «Ювенильное море»).

Общие структуры функционирования географических образов «Чевенгура»

Понимание общих структур функционирования географических образов «Чевенгура» связано, на наш взгляд, со спецификой средневекового восприятия географического пространства.

Средневековое западно-европейское географическое пространство (как, впрочем, и античное географическое пространство) было заранее неполным – сравнительно небольшая ойкумена (известное и освоенное пространство) была окружена неизведанными и опасными пространствами. Для него было характерно искажение масштаба расстояний, которое было «...обусловлено не отсутствием реальных знаний о тех или иных территориях, а спецификой самого понимания пространства в его неразрывной связи с героическим действием»²¹ – особенно для развитых эпических традиций (англо-саксонской, древнеисландской, старофранцузской). Эпическое действие как бы сжимает пространство, для него важны лишь те точки, где происходят «героические» события. «Промежуточное» пространство не заполнено действием, оно сжимается, и отдельные точки эпического мира как бы примыкают одна к другой. Они концентрируют пространство, сгущают его настолько, что весь мир помещается в стенах королевского дворца»²². Очень важной особенностью восприятия и самой структуры географического пространства средневековья была его «точечность»: отдельные поселения воспринимались как отдельные точки, расстояние между ними можно было преодолеть, но оно фактически не воспринималось: «...оно даже при перемещении из одной точки в другую как бы выпадало из поля зрения... В результате этого создается впечатление дискретного, разорванного пространства, состоящего из ряда локусов»²³.

При внимательном анализе текста романа «Чевенгур» становится очевидным некоторое сходство его географических образов с описанными выше структурами. По мере развития сюжетного действия романа его пространство как бы разогревается и сжимается одновременно, становится как бы все более эпическим, «ойкуменоподобным». Если первый круг путешествий Саши Дванова не выглядит «героическим» в смысле средневековых эпических сказаний, то в дальнейшем пространство его путешествий все более «сгущается», становится все более «точечным». Путешествие Дванова и Копенкина (второй круг путешествий) уже, очевидно, эпическое, и сам их путь

²¹ Мельникова Е. А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V-XIV века. М.: Янус-К, 1998. С. 12.

²² Там же.

²³ Там же. С. 14.

все более приобретает черты «пустынного» – герои движутся от локуса к локусу, а их движение выглядит как *средневековый итинерарий*. Пространство самого Чевенгура выглядит уже просто мощной географической точкой-пространством или локусом-пространством, которое захватывает все промежуточные пространства, пригодные для путешествия в него. В этом смысле географический образ Чевенгура как бы прижат к образам губернского города, Москвы и самой степи – расстояние между этими географическими объектами в романе как-то преодолевается, но оно фактически «сглатывается» и выпадает из поля зрения. В Чевенгур попадают неожиданно, достаточно быстро, и без особых событий на пути к нему. Собственно говоря, путешествий в Чевенгур не происходит; основные герои (Дванов, Копенкин, Сербинов) попадают в него как-то сразу, что и определяет разрастание самого образа Чевенгура. Чевенгур выглядит к концу романа как своего рода обреченная и постоянно сжимающаяся ойкумена (пустынные и тоскливые пространства постепенно окружают и сжимают его; Сербинов, по сути, последний, кто сумел проскользнуть в него), но мощь самого географического образа Чевенгура лишь возрастает в результате этих видимых на поверхности текста Платонова событий.

Вернемся к проблеме *экстерриториальности* Чевенгура, затронутой и кратко сформулированной ранее (трансформации географических образов «Чевенгура»). На наш взгляд, эту проблему можно рассмотреть в контексте основных структур географических описаний древности.

А. В. Подосиновым выделены *два основных принципа географических описаний древности – хорографический и картографический*. Если хорографический принцип связан, главным образом, с описанием путей в различные стороны, причем сам описывающий как бы находится в центре мира (географическое пространство центрируется и структурируется по нему, с его точки зрения), то картографический принцип как бы объективизирует географическое описание, вводя строгую ориентацию по сторонам света и термины, которые связаны с самой ориентацией по карте (например, термины «выше» и «ниже» исходя из положения объекта на карте)²⁴. Другими словами, хорографический принцип означает как бы проталкивание, пробивание путешествующего или описывающего путешествие (что в данном случае практически одно и то же) сквозь незнакомое и враждебное пространство, представление о котором и складывается из этих частных, пунктирных и заранее не охватывающих все возможное пространство путешествий. В свою очередь, картографический принцип предполагает как бы взлет, парение над обычными, как бы приземленными путешествиями и перевод их, по сути, в метафизическую плоскость – путешествовать можно, условно говоря, не выходя из собственного дома и ориентируя постоянно себя по географической карте. Картографизированное пространство (не путать с традиционным картографическим пространством), таким образом, может господствовать над традиционными хорографическими представлениями и обеспечивать многослойность, открытость, «прозрачность» географического пространства.

В этом контексте можно интерпретировать трансформацию географического образа Чевенгура. По мере того как образ Чевенгура концентрирует постепенно в себе энергию и мощь окружающих его пространств, он становится, по существу, **картографическим**. Он как бы картографирует окружающее его географическое пространство, наносит на себя, как на карту, смежные географические образы, которые построены, скорее, по хорографическому принципу (степь, губернский город, Москва). Процесс картографирования означает в данном случае структурирование и иерархизацию всех географических образов романа, при этом сама система географических образов «Чевенгура» принципиально меняет по ходу действия свою

²⁴ См.: Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географического описания древности (Постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22-45.

структуру. Географическое пространство романа, которое было поначалу достаточно аморфным и слабоструктурированным и состояло из множества достаточно автономных географических образов, приобретает к концу романа более сложное, стратифицированное строение. *Образ Чевенгура обеспечивает пространственность остальных географических образов*, создает ту питательную среду, в которой они функционируют.

Замыкание на Чевенгур путей основных героев романа усиливает *механизм «географизации» образа Чевенгура*. Малоизвестный и почти легендарный Чевенгур обрастает постепенно какими-то известиями и сообщениями, но на место чисто умозрительных сведений об этом месте проецируются новые представления, которые формируются уже как пространственно-идеологические, как *естественный синтез утопических взглядов и чисто топографических признаков*. Образ Чевенгура как бы пропитан утопическим коммунизмом, но это лишь «цементирует» его, придает ему *сверхгеографическую* прочность. Подобный механизм, в сущности, хорошо проанализирован на примере первых русских географических описаний Сибири конца XV века, в которых «Чудные речи» о далеких землях и о богатом пушном промысле за Камнем вытесняли теоретическую христианскую хорографию и освобождали пространство, куда без промедления были спроецированы описания диковинных народов Индии и Эфиопии»²⁵.

Коренное свойство географического пространства «Чевенгура» – это его постоянное движение, которое ведет к его опустошению и рассеиванию, уничтожению и размыванию всяческих границ: «...в нем негде «стать», только безостановочное движение без цели и надежды оказывается единственным средством, чтобы быть близким ему. Дело этого пространства – опустошать и рассеивать»²⁶. Пространство Платонова нарушает принцип центр-периферия и концентрирует в себе пустоту, то, что между; оно создано по модели катастрофического пространства²⁷. В. Подорога выделяет «машину смерти» (машина-Котлован, Машина-Чевенгур), которая осуществляет деструкцию, опустошение пространства, главная цель которой – «...это дать пространству земли «быть» без человека, сделать землю вновь необитаемой, «чистым» пространством»²⁸. Географическое пространство романа, таким образом, как бы разосваивается, делается не-своим, отчуждается.

Герои «Чевенгура» и на самом деле перестают осваивать окружающее город пространство, доверяясь силам природы. Окружающее Чевенгур пространство перестает, по сути, быть географическим и становится невидимым, непрозрачным, агрессивным. Стремительно пустеющее пространство наступает на Чевенгур, и одновременно раздвигает свои границы, проводит экспансию сам образ Чевенгура. Он становится классическим «пустотным» образом, который аккумулирует в себе типичные черты соседних географических образов. Чевенгур – это город-степь, город-пустыня и одновременно город – Центр мира. Образ Чевенгура формирует, таким образом, гигантскую *образно-географическую переходную зону*, которая постоянно расширяется и главным признаком которой нечеткость и постоянное перерисовывание образно-географических границ. Вся система географических образов «Чевенгура» в целом, очевидно, носит *фронтирный характер*; это *система-граница*, пространственное движение которой определяет и ее внутреннюю структуру.

Перспективы дальнейших исследований географических образов «Чевенгура» могут выглядеть следующим образом.

²⁵ Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., Ньютонвилл: Археографический Центр, 1993. С. 34-35.

²⁶ Подорога В. Указ. соч. С. 42.

²⁷ Там же. С. 47-48.

²⁸ Там же. С. 74.

Безусловно, необходимо соотнесение географических образов «Чевенгура» с реальной географией и картографией Придонья, а также с теми реально существовавшими историко-географическими пространствами, структурная организация которых образует субстрат образно-географического пространства «Чевенгура». Ареал условного действия, основных событий романа, возможно, коррелирует с идеологическим наполнением его базовых географических образов.

Крайне важно также отследить динамику географических образов «Чевенгура» на тексте самого романа. Главное здесь – динамика, взаимное противостояние и взаимодействие образов Чевенгура и степи. Такой анализ, по всей вероятности, может быть более эффективным, если он будет проведен как сравнительный – например, с использованием параллелей из произведений Ф. Кафки.

В заключение следует подчеркнуть, что перспективы дальнейших образно-географических исследований романа «Чевенгур» связаны прежде всего с их междисциплинарностью и открытым характером.